

Тихий американский балет

NYCB, начав с Баланчина, закончил Роббинсом

Коммерсантъ. — 2003. — 4 авг. — с. 13.

премьера балет

Долгий марафон иностранных трупп в Мариинском театре, начавшийся гастролями Гамбургского балета Джона Ноймайера, подхваченный лондонским Royal Ballet, а теперь New York City Ballet, достиг наконец той стадии, что добрая половина партера Мариинки кажется одной большой семьей. Эти люди как засели на Гамбургский балет, так уже и не вставали. Среди них и обозреватель „Ъ“ **ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА**.

Московские гости демонстрировали друг другу прекрасный густой загар, прехваченный в Петергофе в перерывах между спектаклями. Бежала по проходу, размахивая программкой, пожилая балетоманка, от нее убежал хореограф Борис Эйфман: он, видимо, чувствовал, что в установившейся атмосфере эта погоня за автографами довольно неуместна. Радостно встречали друг друга и обменивались визитками люди, которым не удавалось пересечься уже несколько лет. В эти дни Мариинский театр превратился в большой клуб по интересам и чувствовалось, что стыдно культурному человеку не знать, кто такой Джером Роббинс.

Джером Роббинс работал в NYCB рядом с Баланчиным и уже поэтому оставался в его тени. Что, однако, совсем не мешало ему полноценно творить. И теперь NYCB прокатывает его как второго своего гения-классика. Похожий расклад был в Мариинке в ее золотой век, когда рядом с Петипа работал Лев Иванов и на пару они сочинили «Лебединое озеро». Но только Лев Иванов, русский душой, страшно пил, и кроме «лебединых» сцен в программу Best of Ivanov сегодня почти ничего и не поставить.

Американцы привезли сочинения Джерома Роббинса очень разных лет: «Interplay» (1945), «Танцы на вечеринке» (1969) и «Glass Pieces» (1983). Смотришь и все выискиваешь следы, оставленные радиоактивным излучением Баланчина. Конечно же, находишь. Но почему-то это успокаивает и даже радует: ученик Роббинс и его балеты — это не история жизни, погубленной в чужой тени, а история личного метода, ставшего универсальным. То, что начиналось как индивидуальный стиль Баланчина, превратилось благодаря Джерому Роббинсу и всему, что он сделал, в некий эсперанто балета XX века. Второй хореограф NYCB не стал вторым Баланчиным — он вполне самостоятелен.

Доказал это сам NYCB, и именно сейчас. Впечатляюще отработав программу балетов Баланчина, танцовщики сломали зубы на его коллеге. Если в тот день труппа испытала оргазм, то сейчас — какую-то посткоитальную тоску. Трудно было пове-

Мария Ковроски — главная отрада нью-йоркских балетоманов, но в «Танцы на вечеринке» Роббинс бы ее не пригласил. ФОТО НАТАЛЬИ РАЗИНОЙ

рить, что те же самые люди, которые совсем недавно бросались в танец очертя голову, как пловцы-спринтеры, теперь топтают зал в свинцовой скуке.

Выделка чистая. Как редкое насекомое, каждый спектакль помещен в морилку, потом — в сушилку, крылышки распахнуты, тельце расправлено. Оттого даже абсолютный шедевр «Танцы на вечеринке», балет для пяти балерин и пяти премьеров, построенный на полутонах и бликах, шепотах и вскриках, лукавых жестах и летучих позах и прямо потрескивающий от напряженного внутреннего драматизма, сейчас, казалось, не закончится уже никогда. Как объясняли критики со стажем, видевшие вживе легендарных американских танцовщиц, все дело в том, что из NYCB ушли настоящие балерины. Кончилась эпоха капризных и блестящих премьерш, которых Баланчин холил, как орхидеи. И то правда: нынешние солистки NYCB напористы, сильны и незамысловаты, как команда футбольных болельщиц. Я сидела и развлекалась, сочиняя для этого шедевра гипотетический квинтет мариинских прим: Ульяна Лопаткина, Светлана Захарова, Диана Вишнева, Дарья Павленко, Наталья Сологуб... Неплохи здесь должны быть и француженки... Своими изысканными танцами Джером Роббинс пытался представить NYCB как европейскую труппу, Баланчин упорно приучал ее к космополитизму. А теперь она сама выбрала, как ей быть, и стала просто американской.

Роббинс, он же Рабинович

Джером Роббинс (Джероми Уилсон Рабинович), сын еврейских эмигрантов из России, родился в Нью-Йорке в 1918 году. Ребенком обучался игре на скрипке и фортепиано, затем поступил в Нью-Йоркский университет. Карьера танцовщика началась для него с бродвейских мюзиклов. В 1940 году он поступил в труппу Ballet Theatre: блестящий характерный танцовщик, его часто сравнивали с Леонидом Мясным, кроме того, он обладал безупречной техникой. Работа хореографа началась в 1944 году, когда он поставил балет «Fancy Free». Год спустя он создал спектакль, окончательно закрепивший его успех, — балет «Interplay». Сотрудничество Джерома Роббинса с New York City Ballet началось в 1948 году, когда глава Баланчин пригласил его на должность ассистента художественного руководителя.